

Глава 1

На весь окружающий мир и суету человеческую Святослав Людвигович смотрел печально и безрадостно, как поживший и заезженный конь, поставленный за ненадобностью в стойло, но пока ещё не лишённый сил. Время от времени его приглашали на какие-то заседания учёных советов, куда он принципиально не ходил, поскольку не желал выглядеть старинной мебелью, поставленной для антуража; бывало, вызывали на собрания ветеранов-геологов, которые он тоже игнорировал, ибо знал, что, кроме ностальгических и хвастливых воспоминаний, бутафорского костра в соседнем сквере и походных песен, исполняемых под гитару старческими голосами, ничего интересного не будет. А ещё приходили десятки зазывающих писем из всевозможных общин, обществ, сект и медитационных центров, которых расплодилось великое множество и которые стремились заполучить у академика некие «знания». В переписку он не вступал и всю почту вместе с присланной литературой связывал в пачки и складывал на антресолях: бумагу можно использовать вместо топлива, если что...

Дважды Насадному предлагали уехать из России: первый раз в Германию, по приглашению литовской общины — вспомнили, что он родился в Прибалтике, сулили предоставить бесплатно хорошую квартиру и приличный пансион. Второй раз зазывали в Англию, причём к нему в Питер специально приезжал представитель компании «Де Бирс», обещавший обеспечить достойную, цивилизованную старость. Академик мягко и упрямо отказывался, не выдавая своих убеждений относительно свободы, капитала и, в частности, хищной волчьей пасти вышеозначенной фирмы.

И только однажды сорвался, когда ни с того ни с сего в октябре девяносто третьего ему как старому академику предложили проклясть заседавший в «Белом доме» парламент. То ли спутали с другим старейшим питерским академиком, охотно проклинаящим всех, кого ни предложат, то ли решили, коль он родился в буржуазной Прибалтике, то, следовательно, — сторонник прогрессивных реформ, расстрелов и западного образа жизни. Что-то вроде латышского стрелка-наёмника в своё время. Возмущённый Святослав Людвигович написал страстное, гневное письмо и разослал во все газеты, которые знал, но опубликовали его только в незаметной частной газетёнке; в других обозвали «красным фашиствующим академиком».

После этого Насадный вообще самоустранился от мирской жизни и даже на улицу выходил лишь с наступлением сумерек либо в дождливую погоду, когда можно не просто прикрыться зонтом, а отгородиться им от прохожих. Занять время у него было чем, и увлечение это давно стало художественным творчеством, к которому он, как всякий творец, относился щепетильно и страстно.

Лет двадцать назад, когда в камералке института списали и выбросили в металлолом старинное, ещё дореволюционное камнерезное оборудование, Святослав Людвигович перетащил его к себе в квартиру (просторную, академическую, только что полученную вместе со званием), отремонтировал, запасся алмазными дисками, пилами и превратил прежний минералогический музей в мастерскую. Сначала просто изготовлял шлифы — распиливал камни и до зеркала шлифовал одну поверхность, выявляя таким образом внутренний рисунок и красоту минерала или куска породы; потом, когда появилось бесмысленное количество свободного времени, принялся делать крошечные шкатулки и, наконец, творить каменные панно, размером от спичечного коробка и до метровых полотен. И, как Скупой рыцарь, никому не показывал своих произведений ни под каким предлогом. Однако же представителю «Де Бирса» откуда-то было известно об увлечении академика, и он явился под предлогом взглянуть на шедевры камнерезного искусства.

Насадный сразу же заподозрил, что гость пришёл вовсе не за этим, и насторожился, то есть стал холодным и непроницаемым.

В прежние времена он с удовольствием показывал свой минерало-петрографический музей, давно уже выплеснувшийся из кабинета и растёкшийся по всей квартире: увесистые камни были повсюду — на полу передней, в коридорах, на кухне и в спальне, а что полегче — в застеклённых самодельных шкафах. Рядом с камнями, а то и вперемешку с ними лежали книги, брошюры, папки с бумагами и рукописи; лежали в связках и россыпью, поскольку тоже давно не умещались на полках, так что ходить по квартире можно было лишь по узким вытоптаным по паркету тропинкам.

В этих же завалах, между двойными стенками шкафов с образцами и книгами, тщательно оберегаемые от мышей, хранились запасы круп, муки, сахара, спичек и соли — своеобразный мобзапас. Святослав Людвигович пополнял его чуть ли не еженедельно, покупая лишний пакет, банку, упаковку продуктов, подлежащих длительному хранению, прятал и скоро забывал куда, ибо в следующий раз, подыскивая место для очередного пакета, вдруг обнаруживал старую закладку. Быстрее всего портилась мука — заводился червь или жучок, однако академик ничего не выбрасывал, аккуратно просеивал, слегка подсаливал мелкой солью и снова прятал. Он понимал, что это болезненная привычка, мания, но ничего не мог поделать с собой, поскольку блокада к старости давала знать о себе.

И когда ему предлагали покинуть Питер, в первую очередь он с ужасом и жалостью смотрел на свои покрытые толстым слоем пыли сокровища и наперёд знал, что не оставит обжитого гнезда, какими заманчивыми ни были бы предложения. После визита представителя компании «Де Бирс» он вообще перестал впускать кого-либо в дом: отключил звонок, а когда стучали — не подходил к двери и телефоном пользовался не чаще, чем уличным автоматом. Он никому не мешал, хотя превратил квартиру в камнерезку: оборудование Насадный установил в просторной ванной комнате, покрыв пол и стены

толстым слоем войлока и звукоизоляционной плиты. Если входил в эту мастерскую, то и сам отключался от мира, не внимая ни звонкам, ни стукам.

Этот назойливый, надоедливый стук он услышал, поскольку находился на кухне. Привычно игнорируя его, Святослав Людвигович сварил кашу и вынес кастрюлю на балкон, чтоб поскорее остыла. И тут увидел пару: молодого рослого человека в кепке и кожаном пальто, и с ним — молодую женщину в старомодном плаще-накидке. Они терпеливо гуляли у подъезда, как двое влюблённых, но изредка поглядывали на окна квартиры академика. Конец сентября был дождливым, сумрачным, и парень продрог, ссутулился и курил, не вынимая сигарету изо рта, но его подруга словно не замечала холода. По виду это был типичный аспирант или соискатель, написавший наконец-то кандидатскую к тридцати пяти и теперь пришедший в сопровождении жены заполнить рецензию академика. Таких за последнее время побывало с десяток, и Насадный всем отказал, ссылаясь на то, что мнение опального академика не поможет, а напротив, повредит. Некоторые уходили с благодарностью за такое откровенное предупреждение, некоторые с тоской в глазах...

Стучали наверняка они, и, хотя из-за расстояния было не разглядеть лица, Насадному показалось, что этот парень уже приходил однажды. Академик задержался на балконе, выждал, пока пара войдёт в подъезд. Через полминуты — время, чтобы подняться к двери его квартиры, — стук возобновился.

Насадный пообедал, вымыл посуду и сел в кабинете за работу — парень, на сей раз с кейсом в руке, всё стучал, методично, через короткие промежутки. Обычно терпения у посетителей хватало на четверть часа, не более, чаще всего уходили, оставшись неизвестными, или бросали записку в почтовый ящик. Этот проявлял чудеса выдержки, в общей сложности пробыв под дверью около четырёх часов, и всё это время работа у академика не клеилась: отчего-то хандрил компьютер, зависала графическая программа, с помощью которой он составлял из кусочков будущее каменное полотно. Машина была старая, слабосильная для современных программ, однако удивитель-

но чувствительная и давала сбои, когда Насадный был не в настроении или злился. И сейчас у него вдруг слетел файл, где он почти уже выложил мозаику из полусотни разрозненных деталей. Как только незваные гости ушли, он обрёл душевное равновесие и всё поправилось.

На другой день он попал в осаду с самого утра. В очередной раз, когда стук прекратился на перекур, у подъезда опять гуляла та же парочка, и парень сегодня показался более хмурым и решительным. Тогда Святослав Людвигович снял дверь с запоров и чуть приоткрыл. Гость занёс было руку и от неожиданности застыл.

— Чем обязан? — недружелюбно спросил Насадный. — Нужна рецензия?

На полутёмной и гулкой лестничной площадке старого питерского дома каждый звук усиливался, и потому голос прозвучал будто из динамика.

— Нет, мне не нужна рецензия, — ответил пришедший, крепко держа подругу за руку. — Мы пришли... Мы хотели поговорить с академиком Насадным.

— Я слушаю.

— Моя фамилия — Зимогор, — представился незнакомец. — Олег Павлович Зимогор. А это моя жена!

— Понимаю, — буркнул академик. — Что вам нужно?

— У вас сейчас включена какая-нибудь электроника? Ну, телевизор, видик, радиоприёмник...

Как всегда, в подготовительный к собиранию панно период с утра до вечера работал компьютер...

— А что? Вы ходячий вирус?

— В какой-то степени... Прошу вас, выключите, тогда мы войдём.

— Если впусти!

— Впустите, пожалуйста, мы же достучались...

Насадный сходил в кабинет, выключил компьютер и впустил гостей. Они сняли плащи, со скрытым любопытством озирая необычное наполнение квартиры, с удовольствием восприняли, что здесь можно не снимать обуви, и прошли за хозяином в кабинет.

— Выкладывайте, — холодно проронил академик, знаком указывая на старый диванчик-канapé.

— Простите, что так упорно прорывался в ваш дом, — сказал Зимогор, кося глаз на шкафы. — У меня нет другого выхода... Я ваш коллега, работал главным геологом, теперь... начальником экспедиции. Специальной экспедиции в системе военно-инженерных войск. Недавно назначили...

— Поздравляю, — ухмыльнулся академик. — Ближе к делу.

Гость вызывал чувства неоднозначные: глубокое внутреннее упрямство соседствовало в нём с некоторой интеллигентской растерянностью и несобранностью — качествами, которые Насадный терпеть не мог. Но жена его была мила. Она отстранённо рассматривала полотна академика на стенах и, кажется, ничего не слышала.

— Мне известно, вы занимались астроблемами, — сказал гость извиняющимся тоном. — В сегодняшней литературе практически ничего нет по этому вопросу, серьёзного ничего нет. А закрытые источники почему-то так... закрыты, что не подойти даже через Министерство обороны.

— Что вас интересует конкретно? — поторопил академик, не любивший долгих прелюдий.

— Балганский метеоритный кратер на Таймыре.

— Я больше не занимаюсь кратерами. Материалы по Таймыру находятся в Министерстве геологии и Минфине, — отчеканил Насадный. — Ищите там.

— Искал... Но того, что нужно мне, там нет и никогда не было. Меня интересуют ваши работы по поиску прародины человечества.

Святослав Людвигович взглянул на него иными глазами и вместо скрытого упрямства увидел нечто иное. Это не имело ничего общего с душевной болезнью; такой свинцовый отблеск появляется в глазах у совершенно здоровых людей и называется одержимостью.

— Откуда вам стало известно о моих работах? — жёстко спросил он.

— От своего приятеля, как говорят, из неофициальных источников.

— Кто ваш приятель?

— Слава... Станислав Коньрев. Он тоже геолог по образованию, но сейчас торгует бензином, строит автозаправки по Московской области.

— А он откуда знает?

— Коньрев знает всё... За счёт своих связей. Вернее, знал. Теперь у него большие проблемы, его Эксперт... в общем, тяжело заболел. Впрочем, и сам Шейх больше не нуждается в информации...

Академик понял, что толку не добиться, да и в общем-то было не особенно важно, каким образом этот одержимый Зимогор узнал о его давнем и почти тайном увлечении. Несколько месяцев назад у него побывал ещё один одержимый — волею судьбы журналист Сергей Опарин, который тоже пришёл спросить о родине человечества. И можно было сделать двоякий вывод: либо созрела ситуация, если совершенно разные люди вдруг бросились искать эту родину, либо он сам становится центром притяжения определённого сорта людей, которых нельзя назвать больными, но и нормальными не назовёшь с точки зрения сегодняшнего меркантильного рыночного времени.

Он сам был таким, однако в отличие от других, умудрённый возрастом, осознавал своё состояние.

— Зачем вам родина человечества, молодой человек? — спросил он точно так же, как спрашивал журналиста.

— Мне?.. Мне она, если откровенно, не очень-то и нужна. Нет, конечно, всё это любопытно, только я никогда не ставил задачи, не занимался... Её искали вы. А я случайно... или не случайно открыл, вернее, обнаружил эту родину.

— Ездили на Балганский кратер? Или там работаете?

— Нет, не ездил, и на Таймыре никогда не бывал. А что, вы считаете, родина человечества там?

Академик посмотрел на него как на обнаглевшего студента.

— А вы с этим не согласны?

Зимогор смутился, почувствовав жёсткость собеседника, и, вероятно, от этого только усугубил положение.

— Я исхожу из фактов... Из реальных фактов, имевших место. Вы открыли на Таймыре алмазы космического проис-

хождения, уникальное, богатейшее месторождение. Построили там город... Ведь это ещё не доказательство, что именно в этом кратере возникла разумная жизнь. Алмазы — да, их можно пощупать руками... Но даже они возникли... образовались из земного материала, из графитосодержащих гнейсов. Там нет ничего такого, что указывало бы на возникновение разумной жизни.

Насадный слушал весь этот лепет и чувствовал, как теряет терпение.

— Не понимаю... Зачем вы пришли? Говорить мне глупости? Нести младенческий вздор? Знал бы — не впустил!

— Да нет, как же! Мы принесли вам радостное известие! — неожиданно вмешалась жена Зимогора, сияя от распирающего её не совсем понятного старику счастья. — Вы всю жизнь мечтали!.. Но судьба сыграла... не совсем добрую шутку. И всё равно, счастье вам улыбнулось! Открыть алмазы... пусть и технические, зато с таким содержанием! России хватило бы на всю оставшуюся историю... А город?! Я видела только фотографии!.. Стекланный купол и тропическая растительность в Арктике вообще потрясают воображение!.. Вам удалось сотворить мечту! Жаль, что его купили... Вернее, жаль, что продали.

— Что продали? — автоматически спросил Насадный, зацепившись сознанием за последние слова. — Купол продали?

— Да нет, город. Целиком. С куполом, с аэродромом и всей инфраструктурой.

— Как это — продали? — Святослав Людвигович ощутил, как начинает тупеть, и пошёл в наступление на Зимогора. — Я вас спрашиваю! Кто продал? Кому?!

— Н-не знаю... Сейчас всё продают, покупают, — замялся гость, не теряя внутренней радости. — Вот и ваш город...

— Кто вам такое сказал?!

— Мне?.. Мне сказал Коньрев. Он выяснил через своего Эксперта, получил информацию из первых рук...

— Какого эксперта?!

— Я говорил: у Шейха есть человек в верхах, бывший министр финансов. Да вы наверняка видели его по телевизору, улыбается...

— Да как можно? — возмущённо перебил его академик. — Это же город! Целый город на двадцать тысяч жителей!

— Но он стоял мёртвый, брошенный...

— Он был законсервирован! Я сам, сам забивал окна, спускал воду из теплосетей!.. Он остался стоять, как белый корабль у пирса!..

— И всё равно пустой... Да бросьте вы, академик! Я вам покажу такое — сразу все забудете!..

— Бросить? Как это — бросить?! Кто же отважился... — академик окончательно потерял самообладание. — Нет! Нет! Кто купил?! Кто посмел купить город?!

— Точно не знаю. Конырев говорил, какие-то братья Беленькие. Или общество «белых братьев»... Я не совсем понял, — Зимогор вдохновился: — Если нужно, я уточню. Но вы не расстраивайтесь, Святослав Людвигович! Я пришёл вас утешить! Да!.. Потому что обнаружил то, что вы искали! И вовсе не там, не на Таймыре!

Насадный глядел на него теперь как на врага, и лишь старость, физическая слабость и присутствие здесь его милой жены не позволяли ему взять гостя за шиворот и выкинуть за дверь. Отчаянная попытка сделать это была бы просто смешной...

Он сел, стиснул кулаки, проговорил с тихой усталостью:

— Уходите отсюда. Пожалуйста...

Зимогор не услышал, и его весёлость казалась издевательской.

— Сейчас... Одну минуту!

Открыл-таки кейс и тут же захлопнул, словно опасался выпустить птицу.

— Знаете, у вас тут компьютер...

— Вы что, ходячий вирус? Я его выключил!

— Нет, солонка пуста, но мало ли что, — озабоченно заговорила жена Зимогора. — Нужно накрыть системный блок фольгой или сеткой. На всякий случай... Могут полететь все программы и файлы. У вас есть обыкновенная фольга? Ну, в которой запекают мясо?

— Я не запекаю мясо, — сквозь зубы выдавил академик.

— Вы живёте один? — почему-то изумилась она и тут же пожалела. — Это очень грустно — жить одному...

— Пожалуй, нет! Лучше я отключу и вынесу его в другую комнату, — решил наглый гость и, отсоединив системный блок, понёс его в коридор. — Так будет надёжнее!

Святослав Людвигович вскочил с желанием вышвырнуть кейс вслед за ним, однако внезапная и отчётливая мысль, что Зимогор тут ни при чём, остановила его. Да, он странный, одержимый, может, даже не совсем здоровый человек, и при этом совершенно не виновен.

Если не считать принесённой им дурной вести о проданном городе...

— Поставил в мастерской! — сообщил он, вбегая в кабинет. — За чугунную станину камнерезки, не достанет...

— Кто вы? — будто очнувшись, спросил Насадный. — Кто вы такие?

— Я представился, — несколько растерянно проговорил Зимогор. — Геолог, работаю начальником экспедиции, в системе военно-инженерных войск. А это моя жена...

— Это я понял!.. Зачем пришли? Вернее, с чем? Сказать, что продали мой город?

— Нет, я случайно... открыл астроблему, метеоритный кратер, который стал родиной человека.

— Какого человека?

— Человека разумного! Из породы земных! Их ещё называют — гои...

Ноги академика подломились. Он грузно осел на шаткий стул и, пожалуй, в третий раз увидел гостя в новом образе. А тот откинул крышку кейса, отделанного внутри зеленоватой медной сеткой, достал жестяную коробку из-под чая, бережно поставил на стол и извлёк из неё маленькую стеклянную солонку со стальной дырчатой крышечкой.

— Вот, — заключил Зимогор, — здесь были не алмазы и не золото. Сюда входит всего десять граммов мелкой соли. При желании можно засыпать сто граммов золотого песка или двести курчатовия, каких-нибудь актиноидов... Некоторое время здесь находилась манорайская соль! Невероятно тяжёлое чёрное вещество — примерно сто семьдесят граммов весит один кубический сантиметр!

— И где же она, ваша соль?

— Её отняли, — мгновенно и ненадолго сник странный гость. — В общем, и правильно сделали... Я не жалею, правда! Но она была!

— Я не знаю, что такое манорайская соль.

— Правильно, никто этого ещё не знает в учёном мире, — засмеялся он. — Но я держал её на ладони! Это особое вещество!.. Солнечное! Точнее, метеоритное вещество солнечного происхождения. Солнечный ядерный взрыв выбросил вместе с протуберанцем часть расплава... или солнечного тела, монолита. И в космосе возникла комета... Нет, скорее, огненный астероид, который много миллионов световых лет носился во Вселенной. Пока не достиг Земли...

— Бред, молодой человек! Вы ничего не понимаете ни в геологии, ни в астрономии, ни тем более в проблемах Звёздных Ран!

Зимогор слотнул ком, но не обиделся.

— Возможно... Скорее, вы правы, академик. Но в этой солонке была соль!

— Была и сплыла!

— Я сам видел! Держал в руках!.. Нет, всё по порядку. Сначала в Манорае я встретил свою бывшую жену. То есть вот её! И знаете... всё вспомнил и снова влюбился. Вы же видите, какая она прекрасная!.. Впрочем, что я? Я стал счастливым! Самым счастливым!

— Поздравляю, — буркнул академик. — Не пойму, что вам надо? Встретили и снова полюбили бывшую жену, счастливы, недавно назначены начальником экспедиции... Что вам надо, молодой человек? Зачем вам родина человечества?

— Как же! На свете столько несчастных! И стыдно быть счастливым! — с прежним восторженным трепетом проговорила жена Зимогора. — Но и у вас скоро всё образуется...

— Вы что, тоже ищете Беловодье?

— Ничего подобного мы не ищем. Мы его нашли! — Зимогор поднял на ладони солонку, как драгоценный камень. — И вот моё доказательство!

— Там дырка от бублика! — Насадный ощущал раздражение: гость всё больше напоминал счастливого идиота.

— Нет, академик! Не дырка! Эта вещичка... напиталась энергией манорайской соли. Представляете, какой энергетической силы вещество, если одна остаточная действует потрясающе! Если бы у вас тут остался компьютер, а я поднёс к нему... Впрочем, идея!

Он залез на стол грязными ботинками.

— Сейчас продемонстрирую! Чтоб не голословно! Смотрите, подношу к часам солонку!..

Он едва сдерживал ребячий восторг. Циферблат электронных часов на стене вдруг засиял, после чего секундная стрелка дёрнулась пару раз, замерла и пошла в обратную сторону...

Альпийский луг, малахитовый от дождя, был разрезан вездеходными гусеницами надвое, и южная его сторона порядком обезображена техникой, разбросанным оборудованием, трубами, глубокими шурфами и ямами, тогда как северная, более высокая, оставалась ещё ярко-зелёной и нетронутой. Впрочем, если смотреть сверху, с горы, создавалось впечатление, что здесь ещё не ступала нога человека, поскольку сама буровая установка, трактора, небольшой экскаватор и вся окружающая площадь были по всем правилам затянuty маскировочными сетями, которые следовало менять, ибо осенняя желтизна уже побила яркую зелень.

— А что сетями завешались? — засмеялся Конырев. — Смотрите, как на фронте!.. От дождя, что ли?

— От вероятного противника, — буркнул Зимогор.

— Где же он? Невероятный?

— В небе летает...

Сети вряд ли спасали от чужого брошенного с высот космоса взора; тем более от крупного холодного дождя, который, разбиваясь о них, сеялся на землю ровным, бесконечным потоком.

Несмотря на середину сентября и ливень, мероприятие называлось «построить на морозе». Все три смены бурувиков вместе со старшим мастером, горняки и обслуга стояли в строю у вагончика и, промокшие насквозь, тихо изнывали. Пять суток не просыхавшие похмельные мужики страдали от жажды, слизывали бегущую по лицам воду и вряд ли что соображали,

слушая начальственные голоса в монотонном шорохе дождя; чуть бодрее выглядели молоденькие охранники в камуфлированной форме — отделение внутренних войск, построенное своим командиром в другой стороне и по собственному усмотрению. Им спирта перепало меньше, к тому же, подневольные, они ещё помнили, что впереди предстоит дембель и совершенно иная, свободная жизнь.

Коньрев, как человек ничем не озабоченный и не отягощённый, напоминал иностранного туриста — ходил с восторженными глазами, говорил междометиями и часто подносил к лицу пластиковый пакет, где была спрятана видеокамера. Олег предупредил его, что съёмка тут запрещена, однако невероятно разбогатевший за последние годы на торговле бензином Шейх давно перешёл черту, за которой уже нет ни ограничений, ни запретов.

— Мне всё можно, — в ответ сказал он и камеру спрятал только от влаги. — И вообще не напрягай, я отдыхаю.

Как и положено инспектирующему лицу, Зимогор расхаживал перед строем, выслушивая бестолковый доклад Ячменного, и молчал. Поджарый высокий начальник партии с самой первой минуты злил его своими армейскими замашками и ещё тем, что не избегнул соблазна хлебнуть дармового спирта: взор его был красным и мутным, слипались сохнувшие губы. Зимогор мстительно думал, что в первую очередь следовало бы наказать начальника, и тот, чувствуя это, ещё больше терялся, путался, однако при этом в глазах появлялся гневный блеск — в общем-то неплохой признак человека, умеющего постоять за себя и с достоинством принять наказание. Ячменного он знал плохо, поскольку тот пришёл со стороны, и, по сути дела, вот так близко они сталкивались всего во второй раз, да и познакомились недавно — в мае, когда Зимогор приезжал сюда же разбираться, почему из партии вдруг ушли высококлассные специалисты — пять человек сразу!

На бурении, да и вообще в геологии Ячменный работал всего-то года два, но зато после геологоразведочного института служил в армии, а когда началось сокращение, благодаря своему образованию получил работу в экспедиции, входящей

в структуру военно-инженерных войск. И должность досталась совсем не плохая — начальник горнобуровой партии. Но работать под ним сугубо гражданским людям оказалось тяжело: бывший капитан установил военные порядки, что очень нравилось начальнику экспедиции Аквилонovu. А что не нравилось ему и всем, кто сталкивался с Ячменным, — это его армейская находчивость, грубо говоря, способность врать мгновенно, на голубом глазу, и выворачиваться из любой ситуации. Иван Крутой, как прозвали Аквилонова, страшно возмущался по этому поводу, но ему ни разу не удалось уличить во вранье и потому он даже восхищался талантами начальника партии.

По поводу утечки мозгов из партии Ячменный написал пространную объяснительную, где уверял руководство, что все бежавшие специалисты не пригодны для работы по состоянию здоровья, поскольку у них началось резкое ухудшение самочувствия, необратимые психические изменения в виде маний чистоплотности или, наоборот, дикости и озверения. И к сему приложил медицинские справки, полученные в клинике Горно-Алтайска, фотографии бредущегося завхоза Балкина, который убежал из партии одним из первых, и опустившегося, похмельного компьютерщика с явными признаками деградации личности.

Этот изобретательный лгун к тому же тайно писал стихи и несколько своих сочинений даже опубликовал в газетах под псевдонимом.

Зимогор был готов к поединку и цель имел единственную — до приезда сюда правительственной комиссии выгащить из Ячменного хоть что-нибудь похожее на правду и примерно накидать план, как защищаться.

— Все здесь? Или ещё кто-то по кустам сидит? — будто между прочим спросил он, но так, чтобы слышали мастера и начальники смен.

— Так точно! — блеснул похмельным взором Ячменный.

— Одного нету! — вдруг брякнул кто-то в строю. — Циклоп сидит в вагончике: расстройство желудка.

Циклопом звали двухметрового одноглазого завхоза Величко, принятого в партию вместо сбежавшего Балкина, — лич-